

*А.С. Бреславский***Сельские мигранты в пространстве
постсоветского Улан-Удэ****A.S. Breslavsky***The Rural Migrants in the Space
of the Post-Soviet Ulan-Ude**

В фокусе внимания статьи – практики расселения сельских мигрантов в постсоветском Улан-Удэ. В исследование включены академические и административные материалы, статистические сведения, данные собственных полевых исследований. Выяснено, что основные зоны расселения сельских мигрантов – территории на окраинах города, отдаленные городские микрорайоны и поселки, частный сектор, дачные кооперативы.

Ключевые слова: миграция, практики расселения, курсы о миграции, постсоветский Улан-Удэ.

Основной замысел настоящей статьи – определить, как и где в Улан-Удэ (столице Республики Бурятия) предпочитали (или были вынуждены) жить сельские мигранты, вслед за этим понять – сформировались ли за последние двадцать лет постсоветской истории более или менее устойчивые направления их расселения в городе. Исследование было реализовано в 2009–2010 гг. и включало два этапа. Первый этап – анализ материалов академического и административного дискурсов, касающихся сельско-городской миграции в Бурятии. Второй этап – «полевой» – запись нарративных и фокусированных интервью с информантами (всего 23 интервью) – лицами, переехавшими в Улан-Удэ из сельских районов Бурятии в период с 1989 по 2009 г.

Сельско-городская миграция в академическом и административном дискурсе. Стоит отметить сразу, что проблематика «сельско-городской миграции в постсоветской Бурятии» при своей очевидной социальной и политической актуальности не получила, на наш взгляд, достаточного внимания со стороны регионального научного сообщества. Количество работ, посвященных собственно миграции из села в город, сравнительно невелико [1, с. 47–61; 2, с. 94–101; 3; 4; 5, с. 49–73], при этом большая их часть опирается на опросы студенческой молодежи.

Общее состояние миграционных процессов в Бурятии в период с 1991 по 2009 г. может быть определено

This article focuses on the practice of the settling rural migrants in the post-soviet Ulan-Ude. The research includes academic and administrative materials, statistics and data of the author's fieldwork. The author's general conclusion is that the basic zones of settling the rural migrants are territories of city outskirts, remote micro-districts and settlements of Ulan-Ude, individual sector, dachas.

Key words: migration, practices of settling, migration's discourses, post-soviet Ulan-Ude.

как достаточно негативное. Уровень миграционной убыли в большинстве сельских районов превышал уровень прибытия. По имеющимся прогнозам, данная ситуация существенно не изменится в три ближайших десятилетия [6–7]. Во внутрисубъектном перемещении населения отмечается преобладание миграционных потоков, ориентированных из сельских поселений в городские, при этом особой притягательностью обладает столица республики – Улан-Удэ [8]. В силу в основном экономических барьеров значительная часть сельчан, переезжающих в город, оседает на его окраинах и в пригороде. Пригородом для Улан-Удэ (что отличает его, к примеру, от Иркутска) выступают исключительно сельские поселения, входящие в состав приграничных к столице сельских районов (в первую очередь Иволгинского, Тарбагатайского, Заиграевского, Прибайкальского). Повседневная жизнь части из обозначенных сельских поселений за последние двадцать лет настолько сраслась с «городом», что это дает возможность назвать их частью Улан-Удэ. Одновременно, в период с 1990 по 2009 г. значительно расширились границы самого городского округа – города Улан-Удэ. За счет плановой и нерегулируемой застройки территории городских окраин в некоторых микрорайонах почти вплотную слились с сельским пригородом. Своего рода неинституализированная «агломерация» постепенно формируется на уровне социальных, в том числе деловых сетей,

* Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири, XIX – начало XXI вв.» (шифр 2009-1.1-301-072).

подкрепляется микропроектами частного бизнеса (строительством на территориях городских окраин крупных супермаркетов, расширением маршрутов внутригородских пассажирских перевозок, развитием производственных отношений между городом и деревней в сельскохозяйственной сфере и пр.). Вместе с тем на уровне публичных дискуссий в нормативно-правовом поле вопрос о формировании агломерации или какой-либо другой формы объединения города и пригородных территорий сегодня не стоит. Для этого, очевидно, не сформировались предпосылки, прежде всего экономического характера.

В целях сдерживания миграционной убыли, закрепления населения на местных территориях Народным хуралом РБ (высший орган представительной власти республики) совместно с Правительством РБ был разработан и принят ряд нормативно-правовых актов (НПА). Часть из них не только установила общие принципы и политические задачи в области миграционного развития, но и предполагала программы действий по изменению проблемной ситуации [9, с. 4]. При этом на республиканском уровне, равно как и на уровне администрации Улан-Удэ, согласно имеющимся у нас данным, не было разработано каких-либо программ, которые бы определяли механизмы активного регулирования миграции из сельской местности в Улан-Удэ. Иными словами, сельские жители республики, решив переехать в Улан-Удэ, с одной стороны, не располагают возможностью включиться в какие-либо специально разработанные для них программы, а с другой стороны, и не ограничены в возможностях расселения в городе. Каких-либо официальных административных барьеров, препятствующих или ограничивающих перемещение сельских жителей в Улан-Удэ, сегодня нет. Вместе с тем актуальными при переезде и расселении в Улан-Удэ для многих сельских мигрантов остаются другие группы барьеров, прежде всего адаптационные, информационные и экономические.

Данные полевого исследования. На процесс расселения сельских мигрантов в городе существенное влияние оказывают имеющиеся у них знания и представления «о переезде в Улан-Удэ», «в город», полученные ими до переселения. Здесь мы выявили следующее. Во-первых, Улан-Удэ, будучи в дискурсивном измерении «единственным городом республики», обладает в этом смысле наибольшей миграционной притягательностью по отношению к малоперспективной сельской Бурятии. Сельчане-мигранты рассматривают «город» как место, где сконцентрированы позитивные полюса общественной жизни всей республики – развитый рынок труда, институты высшего образования, сферы культуры и досуга, благоприятная социальная и инфраструктурная среда и пр. Во-вторых, представление об Улан-Удэ в среде сельских жителей было и в целом остается отстраненным, внешним, интуи-

тивным, слабо отражающим реалии постсоветских изменений. Это особенно характерно для жителей отдаленных от столицы республики сельских районов и для первого постсоветского десятилетия в целом. Знание о городе у сельчан подчас предельно локализовано, что выражается, к примеру, в ограниченности списка знакомых людей и мест. Вместе с тем развернувшиеся в последние 15–20 лет процессы массового переселения сельских жителей в Улан-Удэ с каждым годом упрощают проблему «информационного голода», которая встает практически перед каждым новым мигрантом. Наконец, в представлениях мигрантов-сельчан Улан-Удэ – это сообщество, в котором они могут рассчитывать на социальную лояльность и в котором проблемы социокультурной адаптации будут для них менее острыми, чем, к примеру, в других регионах страны. Подобные представления не в последнюю очередь опираются на примеры успешных стратегий переселения, которыми мигранты делятся в своей среде.

Обозначенные тезисы, конечно же, выражают лишь контур, смысловые границы восприятия Улан-Удэ сельскими жителями. Понятно, что «ощущение» мигрантами города может в действительности разительно отличаться от случая к случаю. Было бы грубой ошибкой говорить об однородности как самих представлений, так и гомогенности сообщества мигрантов – сельских жителей республики. Это сообщество отнюдь не однородно, и, как отмечали сельчане-информанты, восприятие ситуации миграции в среде потенциальных мигрантов изначально множественно. Очевидная общность «сельского происхождения» не должна здесь вводить в заблуждение. Сложно говорить и о том, насколько схожими являются миграционные представления жителей отдельных сельских районов, сельских поселений республики, людей, принадлежащих к одному поколению, прошедших схожие пути социализации, имеющих схожий уровень достатка, причисляющих себя к одной этнической группе и пр. Возможно, ответ на этот вопрос можно найти в серии более детальных обследований за счет организации соответствующих исследовательских кейсов. В настоящий момент аналитические исследования и характер собираемой статистики, на наш взгляд, не позволяют решить эту задачу. В этом смысле, пытаясь выявить направления расселения сельских мигрантов в Улан-Удэ в целом, мы не будем дополнительно разделять сообщество сельских мигрантов на какие-либо подгруппы, соотносить эти группы с отдельными направлениями расселения. Здесь необходимо сделать еще одно важное уточнение. Когда речь заходит о реальном, а не воображаемом, представляемом переезде, на формирование стратегий расселения начинают воздействовать не только знания о городе, но и иные факторы, прежде всего наличие у мигрантов – сельских жителей – не-

обходимого экономического и социального капитала [10, с. 60–74] для обустройства в городе. Отметим сразу, что влияние этих факторов может и не быть определяющим. К примеру, совсем не очевидно, что сельская семья, располагающая значительным экономическим капиталом, будет стараться перебраться в город, так же как не очевидно, что, перебравшись в город, она поселится в благоустроенной квартире, а не в собственном доме на окраине.

Владение достаточным экономическим капиталом, в нашем случае наличными средствами, – это в сущности единственное, что нужно было для покупки жилья в Улан-Удэ с первых лет его постсоветской истории. Одновременно у самих горожан с началом перестройки появилось законное право сдавать в аренду свои квартиры, дома и комнаты [11, с. 101]. При этом финансовая возможность приобрести жилье в Улан-Удэ в начале 1990-х гг. была не намного, но все же реальней, чем, к примеру, сегодня. Именно поэтому многим из тех сельских жителей, кто приобрел недвижимость до острого роста цен в середине-конце 1990-х гг., решить эту задачу сегодня было бы намного сложнее. К середине 1990-х гг., когда стало очевидно, что аграрный сектор экономики, вокруг которого организовывалась социальная жизнь большинства деревенских жителей, вступил в конечную фазу стагнации, потребность в выстраивании новых жизненных стратегий значительно возросла. При этом миграционные стратегии, как отмечали наши информанты, все еще считались достаточно «дикивинной» практикой, поскольку решение о кардинальной перемене места жительства, «места жизни», расходилось с распространенными культурными нормами и ценностями.

Сегодня наличие экономического капитала продолжает играть определяющую роль в реализации сельскими жителями стратегии расселения в Улан-Удэ. При этом реальной финансовой возможностью приобрести, к примеру, благоустроенную квартиру хотя бы в околоцентральной зоне, обладают сегодня единицы. Продажа добротного 3–4-комнатного дома в любом из сельских районных центров республики вместе с хозяйственными постройками (зимовьем, баней, кладовыми и т.п.) не позволяет в подавляющем большинстве случаев приобрести 2–3-комнатную благоустроенную квартиру в Улан-Удэ, причем даже в черте города.

Именно экономические барьеры, создаваемые рынком городской недвижимости, были и остаются главным препятствием для переезда потенциальных мигрантов из сельской местности в Улан-Удэ. Большинство из тех, кто все же решается переехать, по крайней мере в первые годы пребывания в Улан-Удэ, приобретают жилье в отдаленных от центральной части города микрорайонах, в поселках, входящих в состав городского округа, и пр. Обычно жильем для «новых» горожан становятся одноэтажные или реже

двухэтажные (многоквартирные, барачного типа) деревянные дома с небольшим участком в так называемом частном секторе того или иного городского микрорайона. Специфика же наиболее отдаленных микрорайонов практически по всей территории Улан-Удэ – в их транспортной недоступности (замкнутости), слабой развитости социальной и бытовой инфраструктуры, а также в целом неблагоприятном социальном окружении.

Реальным решением жилищной проблемы для многих сельских семей становится аренда (покупка) городской дачи и ее переустройство. Уже с конца 1980-х гг. по сей день в улан-удэнских дачных кооперативах происходит активное преобразование летних домиков в отапливаемое «полноценное» жилье, на участках появляются гаражи, бани. Большинство дач находится в черте города, некоторые в 15–20 мин от его центра, здесь есть электричество, место для разведения небольшого огорода, пробурены скважины. Это делает дачи достаточно привлекательным и удачным вариантом для сельских мигрантов.

Не менее распространенной практикой является постройка дома «с нуля» на купленном или, если нет возможности, самовольно захваченном участке, а также перевоз сельского дома в город (пригород). Частный сектор на окраинах Улан-Удэ за последние 10–15 лет значительно расширился именно за счет реализации сельскими жителями подобных стратегий. В некоторых местах, где в советские годы были широкие поля, пустыри, сегодня можно увидеть построенные сельскими «горожанами» новые микрорайоны. При этом здесь может отсутствовать необходимая бытовая и социальная инфраструктура – электрическая сеть, водоклонки, магазины, аптеки и пр.

Сельчане особенно на начальном этапе расселения часто вынуждены жить в стесненных условиях. Имея ограниченный семейный бюджет, они занимаются преимущественно решением задач физического выживания. Существенной оказывается поддержка деревенских родственников и друзей как из места выбытия, так и тех, кто уже переехал в Улан-Удэ и живет рядом. Не всегда, но достаточно часто сельские мигранты из одного поселения, района, переезжая в Улан-Удэ, селятся рядом. Это решает часть проблем с адаптацией на новом месте, позволяет коллективно решать индивидуальные и групповые задачи по налаживанию быта, поиска работы и пр. Не во всех случаях поддержка сельских друзей, родственников, земляков считается само собой разумеющимся делом, между тем в ней хотя и редко, но отказывают.

До сих пор мы рассматривали случаи, когда в результате переезда в Улан-Удэ сельчане приобретали или строили себе жилье в городе. Между тем в структуре исследуемой миграции такого рода стратегии не составляют подавляющего большинства среди прочих миграционных историй. Не менее характерными

в нашем случае в последние два десятилетия остаются практики аренды, временного съема жилья, в которые включена преимущественно главная группа мигрантов из сельской местности – трудоспособная, молодежь (в основном от 17 до 35 лет). Экономические барьеры рынка недвижимости, а также достаточно высокая конкуренция на городском рынке труда в действительности не позволяют многим сельчанам, прибывающим в Улан-Удэ, обучающимся, активно работающим в городе, приобрести собственное жилье. И здесь обыкновенно срабатывает одна из трех стратегий: люди либо обращаются за временной помощью к городским родственникам, знакомым, живущим в городе, либо идут в агентство за съемной квартирой (комнатой, домом и пр.), либо, что не менее характерно, первое время живут у своих родственников, земляков, уже перебравшихся в город.

Социальный капитал сельчан, их семей, в частности «полезные знакомства», «связи», родственники в городе – все это порой играет решающую роль в судьбе сельского мигранта, однако не каждого и не всегда. К родственникам обращаются чаще на этапе приезда, «на первое время», в особенности, когда речь заходит о жилищном устройстве детей в городские образовательные учреждения. Достаточно часто этап проживания у городских родственников предваряет самостоятельную жизнь.

Итак, можно ли, опираясь на обозначенные нами тезисы, выявить наиболее характерные, сущностные черты, присущие процессам расселения сельских мигрантов в постсоветском Улан-Удэ? При всем многообразии практик расселения, представлений о городе, возможностей тех или иных мигрантов, «типичных» и «нетипичных» историй, которые нами были собраны, можно с достаточной уверенностью сказать «да». Направления расселения все же лежат в ограниченном

«коридоре возможностей», который задается уровнем материального достатка того или иного мигранта. Для прошедших двадцати лет постсоветского этапа сельско-городской миграции характерно в этом смысле преобладание группы мигрантов трудоспособного возраста со средним уровнем достатка. Основными зонами их расселения стали территории одноэтажной (реже двухэтажной) деревянной застройки преимущественно на окраинах города – в отдаленных от центральной части Улан-Удэ микрорайонах и поселках, в частном секторе, в дачных кооперативах. Подобная тенденция характерна, как показало исследование, для сельских мигрантов, живущих как в арендуемом жилье, так и для тех, кто имеет свою собственную жилую недвижимость.

Следует отметить, что часть сельчан, приезжая в Улан-Удэ, как двадцать лет назад, так и сейчас, имеет возможность и приобретает благоустроенное жилье в центральной и относительно благополучной части Улан-Удэ. При этом одни из сельчан, очевидно, привносят в пространство города «сельский образ жизни», другие – нет. До сих пор сложно говорить и о том, насколько сложился в Улан-Удэ «городской образ жизни» и каковы границы его локализации. В этом смысле сложно судить и том, насколько сельская миграция в постсоветский период истории Улан-Удэ видоизменила культурное пространство города.

В последнее время, по прошествии периода массового выбытия сельчан из «умирающих» деревень республики, выезд на постоянное место жительства «в город», становится, как говорят информанты, более обдуманым, взвешенным. Возможно, это свидетельствует о том, что и этап спонтанной миграции наименее обеспеченных сельчан, малопривлекательный для городского сообщества, в целом пройден.

Библиографический список

1. Гунтыпова Э., Шулунова Р. Миграция и высшее образование (по результатам опроса в Бурятской сельхозакадемии) // Вестник Евразии. – 2006. – №2 (32).
2. Итыгилова Л.М. Миграционные настроения молодежи Бурятии: выпускники вузов и «репатрианты» // Город и село в условиях глобализации (на примере Республики Бурятия) : материалы междунар. семинара. – Улан-Удэ, 2009.
3. Мангатаева Д.Д. Население Бурятии: тенденции формирования и развития. – Улан-Удэ, 1995.
4. Рандалов Ю.Б., Хараев Б.В., Чукреев П.А. Миграционные настроения сельских жителей: действующие факторы и тенденции (по материалам социологического исследования в Республике Бурятия). – Улан-Удэ, 2005.
5. Содномпилова М.М. Сельско-городская миграция в Бурятии: формирование транслокального пространства // Город и село в условиях глобализации (на примере Республики Бурятия) : материалы междунар. семинара. – Улан-Удэ, 2009.
6. Миграция населения Республики Бурятия : стат. сб. – Улан-Удэ, 2009.
7. Предположительная численность населения Республики Бурятия до 2030 г. : стат. сб. – Улан-Удэ, 2009.
8. Концепция демографического развития Республики Бурятия на период до 2010 г. (включает раздел «Миграция и расселение») : Постановление Правительства РБ от 29.04.2002 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://sibnews.info/section9i/sortwt/okdoke7glcipyhi.htm> (17.04.2010).
9. Будаева Ц.Б. Миграция населения в зеркале общегосударственных перемен // Бурятия. – 2002. – 1 ноября.
10. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. – №5.
11. Zhimbiev B. History of the Urbanization of a Siberian City. Ulan-Ude ; London, 2000.